

Совет по правам человека**Пятьдесят шестая сессия**

18 июня — 12 июля 2024 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие****Искоренение нищеты без заикленности на росте****Доклад Специального докладчика по вопросу о крайней нищете
и правах человека Оливье де Шуттера***Резюме*

В основе доминирующего сегодня подхода к борьбе с нищетой лежит увеличение стоимости всех произведенных в экономике товаров и услуг (определяемой по показателю валового внутреннего продукта) в сочетании с перераспределением доходов после поступления этих товаров и услуг на рынок посредством налогов и трансфертов. Однако Специальный докладчик утверждает, что нынешняя заикленность на увеличении показателя валового внутреннего продукта является следствием неверного понимания ситуации. Увеличение показателя валового внутреннего продукта не является обязательным предварительным условием для реализации прав человека или для борьбы с нищетой и неравенством. Идеология так называемого «ростизма» не должна отвлекать от насущной необходимости, с одной стороны, производить больше товаров и услуг, способствующих повышению уровня благосостояния, и, с другой стороны, сокращать производство того, что является ненужным или даже токсичным. До тех пор, пока драйвером экономики будет главным образом извлечение максимальной прибыли, она будет реагировать на спрос, формируемый наиболее богатыми группами общества, что приводит к возникновению экстрактивных форм производства, которые усугубляют социальную изоляцию во имя создания еще большего богатства, а такой подход не сможет обеспечить осуществление прав теми, кто живет в нищете. Переход от экономики, движимой стремлением к извлечению максимальной прибыли, к экономике прав человека возможен и, чтобы оставаться в пределах планетарных границ, необходим. В настоящем докладе Специальный докладчик объясняет, почему нужен такой сдвиг и как он может выглядеть.

I. Введение

1. Экономический рост, определяемый как увеличение показателя валового внутреннего продукта (ВВП), долгое время считался желательным сам по себе. Экономисты спорят о том, как этого достичь, а политики — как распределять извлекаемые при этом выгоды. Правозащитные органы рассматривают рост как необходимое условие для реализации экономических и социальных прав, исходя из предположения о том, что без роста не будет ресурсов, которые можно мобилизовать для постепенной реализации этих прав — посредством инвестиций в здравоохранение, социальное жилье или образование, а также создания рабочих мест¹. Правительства все еще действуют так, как будто бесконечный рост возможен. Игнорируя предупреждения ученых², они, похоже, верят, что экономическая деятельность может расширяться бесконечно, как будто Земля будет вечно предоставлять безграничные ресурсы и поглощать отходы, возникающие в результате нашего, как представляется, бесконечного стремления к большему.

2. В настоящем докладе Специальный докладчик ставит эти предположения под сомнение. Во-первых, он утверждает, что рост отвлекает от того, что действительно важно, а именно: от искоренения нищеты и обеспечения благосостояния для всех³. Во-вторых, рост экономики богатых стран намного превышает то, что необходимо людям для процветания, и, как следствие, они стали страдать ожирением. В этих странах рост не приводит к сокращению масштабов нищеты и неравенства и созданию рабочих мест. Он приводит к нарушению целого ряда планетарных границ⁴. В-третьих, он подпитывается разграблением ресурсов глобального Юга в рамках постколониальной модели доминирования, которая держится благодаря удавке внешней задолженности⁵. В бедных странах, где все еще требуются значительные инвестиции — в строительство школ и больниц, в развитие инфраструктуры транспорта или электроэнергетики — рост все еще может сыграть полезную роль. Однако на практике он часто носит экстрактивный характер и опирается на эксплуатацию дешевой рабочей силы и нерациональное освоение природных ресурсов. Поэтому, для того чтобы способствовать реализации прав человека, его вектор необходимо изменить. Он должен быть переориентирован на удовлетворение существующих потребностей и иметь более широкий охват бенефициаров, вместо того чтобы просто делать богатых еще богаче и способствовать еще большему доминированию крупных экономических субъектов⁶.

3. Несмотря на свои ограничения, рост превратился в гегемона⁷. ВВП остается основным показателем, по которому оценивается деятельность правительств. Его увеличение рассматривается и как альтернатива масштабному перераспределению, и как необходимое предварительное условие для решения определенных проблем, с которыми сталкивается общество. Неудивительно, что как раз во имя роста и

¹ Matthias Petel and Norman Vander Putten, “Economic, social and cultural rights and their dependence on the economic growth paradigm: evidence from the ICESCR system”, *Netherlands Quarterly of Human Rights*, vol. 39, No. 1 (2021), pp. 53–72.

² William J. Ripple and others, “World scientists’ warning of a climate emergency”, *BioScience*, vol. 70, No. 1 (2020), pp. 8–12.

³ Kate Raworth, *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist* (London, Random House Business, 2017); and Jason Hickel, *Less is More: How Degrowth Will Save the World* (London, Penguin Random House, 2020).

⁴ Johan Rockström and others, “Safe and just Earth system boundaries”, *Nature*, vol. 619, No. 7968 (2023), pp. 102–111.

⁵ Jason Hickel, “Is it possible to achieve a good life for all within planetary boundaries?”, *Third World Quarterly*, vol. 40, No. 1 (2019), pp. 18–35; and Jason Hickel, “What does degrowth mean? A few points of clarification”, *Globalizations*, vol. 18, No. 7 (2021), pp. 1105–1111.

⁶ Frances Stewart, “Macroeconomic policies for a sustainable world”, *Journal of Human Development and Capabilities*, vol. 24, No. 4 (2023), and Caroline Dommen, “Human rights economics: an inquiry” (Friedrich Ebert Stiftung, July 2022).

⁷ Matthias Schmelzer, *The Hegemony of Growth: The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm* (Cambridge, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Cambridge University Press, 2016).

проводится либерализация торговли: в Соглашении об учреждении Всемирной торговой организации говорится о необходимости обеспечения «значительного и постоянного роста уровня реальных доходов и эффективного спроса, а также [расширения] производства и торговли товарами и услугами» (первый пункт преамбулы). Еще большую озабоченность, наверное, вызывает тот факт, что экономический рост упоминается и в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 года, которая включает в себя обязательство «для более эффективного решения проблем ухудшения состояния окружающей среды» поддерживать создание «открытой международной экономической системы, которая привела бы к экономическому росту и устойчивому развитию во всех странах»⁸. Эта же формулировка повторяется в более поздних многосторонних соглашениях по окружающей среде⁹.

4. Доминирующий подход к искоренению нищеты во многом остается в рамках гегемонии идеологии «ростизма»: он основан на тезисе о том, что сначала надо стимулировать экономический рост, а затем перераспределять богатство через налоги и трансферты. Вместо того чтобы стремиться сделать экономику более инклюзивной и обеспечить реальное равенство возможностей, правительства зацикливаются на стимулировании роста, который они рассматривают как необходимое предварительное условие для создания рабочих мест и финансирования государственных услуг и социальных программ. Такие политические решения, как либерализация торговли, придание большей «гибкости» рынку труда или создание «благоприятного для бизнеса инвестиционного климата» (за этими словами скрывается снижение налогов и регуляторного бремени для крупнейших корпораций), принимаются во имя увеличения ВВП, несмотря на то, что такие меры ведут к социальной изоляции и подвергают сообщества проверке на прочность. Поскольку оно приобрело статус государственного императива¹⁰, безудержное стремление к росту ограничивает политическое воображение, из-за чего недостаточно тщательно изучаются более перспективные пути развития, которые могли бы в большей степени способствовать повышению благосостояния людей и реализации прав человека.

5. Эту тенденцию можно и должно обратить вспять. Если брать сами Цели в области устойчивого развития, то, хотя в Цели 8 говорится о содействии «поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту» и ставится задача поддерживать рост валового внутреннего продукта на уровне 7 % в год в наименее развитых странах (задача 8.1), задача 17.19 связана с разработкой, «в дополнение» к показателю ВВП, и других показателей измерения прогресса. Мировые лидеры, собравшиеся на Саммите по Целям в области устойчивого развития в сентябре 2023 года, согласились с необходимостью «выйти за рамки» ВВП¹¹. Необходимых предпосылок для этого становится все больше¹². Начался поиск не обусловленных ростом форм развития¹³, отчасти потому, что страны с развитой экономикой вступили в эпоху долговременной стагнации¹⁴. Переговоры по следующим целям развития, начиная с Саммита будущего в сентябре 2024 года,

⁸ A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I), резолюция 1, приложение I, принцип 12.

⁹ См. Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата, ст. 3 (п. 5); и Парижское соглашение, ст. 10 (п. 5).

¹⁰ John Barry, “A genealogy of economic growth as ideology and Cold War core State imperative”, *New Political Economy*, vol. 25, No. 1 (2020), p. 18.

¹¹ Резолюция 78/1 Генеральной Ассамблеи, приложение, п. 30.

¹² Joan Martínez-Alier and others, “Sustainable de-growth: mapping the context, criticisms and future prospects of an emergent paradigm”, *Ecological Economics*, vol. 69, No. 9 (2010), pp. 1741–1747; Giorgos Kallis, Christian Kerschner and Joan Martínez-Alier, “The economics of degrowth”, *Ecological Economics*, vol. 84 (December 2012), p. 172; and Wouter Vandenhole, “De-growth and sustainable development: rethinking human rights law and poverty alleviation”, *Law and Development Review*, vol. 11, No. 2 (2018).

¹³ Tim Jackson, *Prosperity without Growth: Foundations for the Economy of Tomorrow*, 2nd ed. (London, Routledge, 2017).

¹⁴ Christine Corlet Walker, Angela Druckman and Tim Jackson, “Welfare systems without economic growth: a review of the challenges and next steps for the field”, *Ecological Economics*, vol. 186 (August 2021).

предоставляют уникальную возможность активизировать усилия в этом направлении. В настоящем докладе, представленном в соответствии с резолюцией 53/10 Совета по правам человека, Специальный докладчик стремится внести свой вклад в достижение этой цели.

II. Пределы роста

6. Упор на экономический рост часто обосновывается необходимостью увеличения поступлений государства, что позволяет ему предоставлять государственные услуги и обеспечивать социальную защиту. Его также рассматривают в качестве способа создания рабочих мест, компенсирующих потерю рабочих мест в результате технологических изменений, включая появление искусственного интеллекта. Что касается последнего фактора, то он вызывает разочарования: хотя экономисты давно опираются на закон Оукена, утверждающий, что экономический рост необходим для поглощения избыточной рабочей силы, ставшей ненужной в результате роста производительности труда¹⁵, корреляция между ростом ВВП и уровнем занятости в последние годы была крайне неравномерной, и ее коэффициент для стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹⁶, составлял с 2012 года всего 0,34. Когда-то рост безработицы был исключением, теперь он становится нормой¹⁷. По крайней мере, в богатых странах рост уперся в свои пределы. Он оборачивается модернизацией нищеты, но не искореняет ее. И он стал неэкономичным, подрывающим основы самой производственной экономики.

A. Модернизация нищеты

7. Нищета часто определяется как отсутствие дохода, необходимого для поддержания достаточного уровня жизни, что является следствием отсутствия доступа к достойной работе или прорех в системах социальной защиты. Именно это определение используется для отслеживания прогресса в деле искоренения нищеты, что является задачей 1.1 Целей в области устойчивого развития. Сегодня за международной чертой бедности, составляющей 2,15 долл. США в день по паритету покупательной способности на 2017 год, живет 670 млн человек (8,4 % населения планеты), и, по оценкам, к 2030 году эта цифра снизится до 575 млн человек, что намного меньше поставленной цели¹⁸.

8. Такой определяемый деньгами подход к решению проблемы нищеты, принятый для оценки прогресса в решении задачи 1.1 Целей в области устойчивого развития, вряд ли пригоден для отражения того, с чем приходится сталкиваться людям, живущим в нищете. Многомерные подходы к нищете, такие как подход, применяемый в контексте индекса многомерной нищеты, разработанного Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Оксфордским университетом, призваны отражать состояние человека, лишенного возможности удовлетворить свои потребности не только в сфере потребления или доходов, но и в таких вопросах, как получение образования, зачисление в учебное заведение, доступ к питьевой воде, санитарии и электроснабжению.

9. Такие подходы гораздо лучше отражают влияние множественных лишений на способность людей вести достойную жизнь. Однако и они остаются неадекватными.

¹⁵ Arthur M. Okun, "Potential GNP: its measurement and significance", Cowles Foundation Paper 190 (1962).

¹⁶ Eloi Laurent, "From welfare to farewell: the European social-ecological State beyond economic growth", Working Paper 2021.04 (European Trade Union Institute, 2021), p. 13.

¹⁷ See also Sangheon Lee and others, "Does economic growth deliver jobs? Revisiting Okun's law", International Labour Organization Working Paper 17 (Geneva, International Labour Organization, 2020); and M. Sylvína Porrás-Arena and Ángel L. Martín-Román, "The heterogeneity of Okun's law: a metaregression analysis", *Economic Modelling*, vol. 128 (2023).

¹⁸ См. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal1#progress_and_info.

Они не отражают реальность социальной изоляции, которая может быть вызвана неспособностью некоторых домохозяйств соответствовать социальным ожиданиям, таким как необходимость организовать достойные похороны своих родителей или достойную свадьбу своих детей, оплатить внешкольные занятия для ребенка или иметь смартфон. Такие социальные ожидания меняются по мере роста общего достатка. Таким образом, экономический рост (определяемый увеличением показателя ВВП), если он сопровождается ростом неравенства доходов, в конечном итоге может оказаться контрпродуктивным: повышая планку в конкретном обществе, он может усугублять социальную изоляцию — чувство стыда и никчемности, которое испытывают те, кто живет в нищете. Кроме того, если рост общего достатка будет приводить к повышению степени коммерциализации некоторых услуг в таких сферах, как здравоохранение, образование или транспорт, под предлогом того, что большинство людей теперь смогут позволить себе оплачивать такие услуги, последствия нищеты, обусловленной низкими доходами, будут усугубляться. В этом смысле экономический рост может идти рука об руку с модернизацией нищеты: даже если крайние материальные лишения сокращаются, число социально изолированных людей может увеличиваться¹⁹.

В. Подрыв основ производительной экономики

10. Так называемая ресурсно-ориентированная экономика, функционирование которой отражается в показателе ВВП, зависит от экосистем, обеспечивающих наличие ресурсов и поглощение отходов и загрязнения, на которые опирается экономическая деятельность. Ресурсно-ориентированная экономика также зависит от так называемой репродуктивной экономики, которая развивается в домашних хозяйствах и сообществах без вознаграждения и в которую основной вклад вносят женщины. Наконец, она зависит от «общего достояния», на которое многие люди, живущие в нищете, по-прежнему полагаются в удовлетворении своих базовых потребностей. Процесс экономического роста, который вызывает эрозию этих основ, вместо того, чтобы учитывать наличие трех этих факторов зависимости, неминуемо потерпит фиаско в борьбе с нищетой.

1. Нарушение планетарных границ

11. Экономический рост требует увеличения потребления энергии и материальных ресурсов до уровня, который уже невозможно себе позволить. Нерациональные формы потребления некоторых групп населения, прежде всего в богатых странах, вывели Землю далеко за пределы безопасного операционного пространства. Шесть из девяти планетарных границ, определяющих стабильность и систему жизнеобеспечения на Земле, которые способствуют благосостоянию человека и развитию общества, уже нарушены²⁰. Хотя выбросы парниковых газов, вызывающие опасную дестабилизацию климата и экстремальные метеорологические явления, освещаются, пожалуй, наиболее широко, это не единственное экологическое давление, которое испытывают на себе экосистемы. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) недавно выступила с предостережением: с середины 1970-х годов объем добычи ресурсов увеличился в три раза, и ожидается, что к 2060 году добыча полезных ископаемых вырастет еще на 60 %²¹. В своем докладе о глобальной оценке биоразнообразия и экосистемных услуг 2019 года Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам подсчитала, что в результате деятельности человека 75 % поверхности суши Земли подверглось значительным изменениям, 66 % площади океана испытывает нарастающее кумулятивное воздействие, более 85 % водно-болотных угодий было утрачено, и примерно 1 млн видов в течение следующих десятилетий грозит исчезновение, если

¹⁹ Olivier De Schutter, *The Poverty of Growth* (London, Pluto Press, 2024).

²⁰ Katherine Richardson and others, “Earth beyond six of nine planetary boundaries”, *Science Advances*, vol. 9, No. 37 (2023).

²¹ UNEP and International Resource Panel, *Global Resources Outlook 2024: Bend the Trend — Pathways to a Liveable Planet as Resource Use Spikes* (Nairobi, 2024).

не будут приняты меры по снижению интенсивности воздействия факторов, приводящих к утрате биоразнообразия. Экономический рост является одним из основных факторов, порождающих эти тенденции: «Экономические стимулы, как правило, способствуют расширению экономической деятельности и зачастую нанесению ущерба окружающей среде, а не ее сохранению или восстановлению»²².

12. Большие надежды возлагаются на «зеленый рост» или рост, не связанный с нагрузкой на окружающую среду, благодаря применению более чистых технологий и более эффективных средств производства, сокращению использования ресурсов, уменьшению количества отходов и загрязнения. Однако пределы такого подхода становятся уже очевидными. В ходе проведенного в 2019 году системного обзора был сделан вывод о том, что «нет никаких эмпирических данных, подтверждающих факт... абсолютного, глобального, окончательного и достаточно быстрого и масштабного разрыва связи между нагрузкой на окружающую среду (с точки зрения как ресурсов, так и последствий) и экономическим ростом»²³.

13. Абсолютный разрыв этой связи не происходит требуемыми темпами даже в ограниченной сфере выбросов парниковых газов (а это лишь одна из девяти рассматриваемых планетарных границ). Проанализировав результаты деятельности 36 стран — членов ОЭСР в период 2013–2019 годов, авторы исследования пришли к выводу, что, хотя 11 странам удалось достичь в этот период абсолютного разрыва связи между ростом ВВП и выбросами парниковых газов, темпы этого процесса не соответствуют темпам, необходимым для того, чтобы эти страны оставались в рамках глобального углеродного бюджета, установленного Парижским соглашением 2015 года, с учетом соображений справедливости. С учетом того, что было достигнуто за рассматриваемый период этими 11 странами в обеспечении разрыва этой связи, им потребуется в среднем 223 года, чтобы сократить свои зарегистрированные в 2022 году соответствующие выбросы на 95 %, и к концу этого периода они в среднем сожгут в 27 раз больше своих оставшихся после 2022 года соответствующих национальных «справедливых долей» глобального углеродного бюджета (если глобальное потепление останется на уровне ниже 1,5 °C)²⁴.

14. Это подтверждает выводы шестого доклада об оценке, представленного в 2022 году Межправительственной группой экспертов по изменению климата. Межправительственная группа экспертов по изменению климата отметила, что, хотя 23 страны (что составляет 20 % от общей выборки из 116 стран) в период 2015–2018 годов добились разрыва связи между выбросами, вызванными моделями потребления, и ВВП — благодаря сочетанию передачи углеродоемких производств на внешний подряд и повышению эффективности производства и энергобаланса, — разрыв этой связи часто носил кратковременный характер и имел место в основном в странах с высоким показателем ВВП на душу населения и высоким уровнем выбросов углекислого газа на душу населения (главным образом из Европейского союза и Северной Америки). Еще 67 стран (58 %), включая Индию и Китай, в период 2015–2018 годов добились относительного разрыва связи между ВВП и выбросами, вызванными моделями потребления, что отражает более медленный рост выбросов по сравнению с ВВП. Еще в 19 странах (16 %), включая Южную Африку и Непал, в период 2015–2018 годов разрыва между ВВП и выбросами, вызванными моделями потребления, не произошло. В этих странах дальнейший рост ВВП, скорее всего, приведет к увеличению выбросов, если они будут развиваться в русле наблюдавшейся

²² Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services, *Global Assessment Report on Biodiversity and Ecosystem Services: Summary for Policymakers* (Bonn, 2019), para. B5.

²³ Timothée Parrique and others, *Decoupling Debunked: Evidence and Arguments against Green Growth as a Sole Strategy for Sustainability* (European Environmental Bureau, 2019), p. 31; and Helmut Haberl and others, “A systematic review of the evidence on decoupling of GDP, resource use and GHG emissions, part II: synthesizing the insights”, *Environmental Research Letters*, vol. 15, No. 6 (2020).

²⁴ Jefim Vogel and Jason Hickel, “Is green growth happening? An empirical analysis of achieved versus Paris-compliant CO₂–GDP decoupling in high-income countries”, *Lancet Planetary Health*, vol. 7, No. 9 (2023).

в последнее время тенденции без существенного повышения эффективности производства и энергопотребления. Межправительственная группа экспертов по изменению климата предупреждает: «Хотя абсолютный разрыв обеспечил сокращение годовых выбросов [в каждой пятой из 116 попавших в выборку стран], оставшиеся выбросы по-прежнему вызывают повышение концентрации углерода в атмосфере. Абсолютного разрыва недостаточно, чтобы избежать расходования оставшегося бюджета выбросов углекислого газа при предельном уровне глобального потепления в 1,5 °C или 2 °C и не допустить климатического коллапса»²⁵.

15. Таким образом, хотя некоторая декарбонизация экономики и происходит, она в основном ограничена странами с высоким уровнем доходов и высоким уровнем выбросов парниковых газов на душу населения, и она, конечно, происходит не теми темпами, которые требуются. Аналогичные случаи абсолютного разрыва не наблюдаются и в отношении других видов нагрузки на окружающую среду, таких как утрата биоразнообразия и использование ресурсов. «Зеленый рост» не происходит. Хотя внедрение «зеленых» технологий и моделей экономики замкнутого цикла следует ускорить, сами по себе они не смогут обеспечить решение существующих проблем в таких масштабах и такими темпами, которые необходимы.

2. Недооценка общественно полезного труда

16. Зацикленность на увеличении показателя ВВП заслоняет важность труда, связанного с ведением домашнего хозяйства, и работы по уходу, а также необходимость более высокой оценки этого труда. Примерно 16,4 млрд часов в день тратится, непосредственно, на персональный уход за маленькими детьми или пожилыми родственниками и, опосредованно, на такую связанную с уходом деятельность, как приготовление пищи, уборка, сбор воды или дров. А это 2 млрд человек, работающих по восемь часов в день без всякого вознаграждения. Если бы этот вклад оплачивался по минимальной почасовой ставке оплаты труда, он составил бы 9 % мирового ВВП. Более трех четвертей этой работы (76,4 %) выполняют женщины, которые тратят на неоплачиваемый труд по уходу в 3,2 раза больше времени, чем мужчины²⁶.

17. Работа по уходу жизненно важна для экономики: без нее производительный труд невозможен. Однако, поскольку работа по уходу не оценивается в денежном выражении, она, как правило, не учитывается и не поддерживается инвестициями в социальную сферу. Эта ситуация постепенно меняется. С 2013 года обследования рабочей силы на более систематической основе стали включать неоплачиваемый труд, связанный с ведением домашнего хозяйства, и работу по уходу в статистику под рубрикой «оказание услуг для собственного потребления»; Цели в области устойчивого развития включают в себя задачу (5.4 в рамках Цели 5, касающейся гендерного равенства), состоящую в том, чтобы признавать и ценить неоплачиваемую работу по уходу и труд, связанный с ведением домашнего хозяйства.

18. Признание неоплачиваемого труда, связанного с ведением домашнего хозяйства, и неоплачиваемой работы по уходу — это первый шаг к тому, чтобы эти виды деятельности учитывались в экономическом анализе и принимались во внимание в государственной политике; чтобы воспитание и обучение детей или уход за родственниками на иждивении рассматривались потенциальными работодателями как ценный опыт работы; чтобы предоставлялись оплачиваемые отпуска по уходу за детьми и другими лицами; и чтобы работа по уходу шла в зачет при расчете пенсии, как того требует Международный пакт об экономических, социальных и культурных

²⁵ Shobhakar Dhakal, Jan Christoph Minx and Ferenc L. Toth, “Emissions trends and drivers”, in *Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change*, Intergovernmental Panel on Climate Change (Cambridge and New York, Cambridge University Press, 2022), para. 2.3.3.

²⁶ Jacques Charmes, *The Unpaid Care Work and the Labour Market. An Analysis of Time Use Data based on the Latest World Compilation of Time-use Surveys* (Geneva, International Labour Organization, 2019), p. 47.

правах²⁷. Кроме того, правительствам следует добиваться уменьшения объема и тяжести труда, связанного с ведением домашнего хозяйства, и работы по уходу, что означает обеспечение всеобщего доступа к безопасной воде, санитарии и местным системам энергоснабжения, недорогим и высококачественным услугам по уходу, а также осуществление политики, призванной помогать матерям и отцам выполнять их родительские обязанности и другим лицам, осуществляющим уход. Наконец, необходимо перераспределять обязанности по уходу и ведению домашнего хозяйства, чтобы добиться прогресса в достижении гендерного равенства и улучшить баланс между работой и личной жизнью для всех. Однако ни одна из этих целей не будет достигнута, если не будет улучшена ситуация с представленностью: организации, отстаивающие права лиц, оказывающих услуги, и женщин, в частности, должны участвовать в форумах по принятию решений по месту работы, в сообществе и на политическом уровне, чтобы гарантировать «лицам, оказывающим как оплачиваемые, так и неоплачиваемые услуги по уходу, возможность высказывать свое мнение при обеспечении качественного ухода и достойных условий труда»²⁸.

19. Идеология «ростизма» приводит к недооценке не только труда, связанного с ведением домашнего хозяйства, и работы по уходу, но и труда, который вносит позитивный вклад в общество, в то время как труд, создающий «добавленную стоимость», переоценивается: как подчеркивают, например, исследователи, занимающиеся так называемой «базовой экономикой»²⁹, именно наиболее прибыльные, а не наиболее полезные виды работы лучше вознаграждаются за счет более высокой заработной платы и лучших условий труда, включая гарантии занятости³⁰.

3. Эрозия общего достояния

20. Во многих сообществах доступ к воде, пастбищам, продуктам питания или услугам, таким как охрана здоровья или образование, обеспечивается за счет общего достояния, т. е. ресурсов и институтов, находящихся под коллективным управлением. Правозащитные нормы постепенно претерпевают эволюцию, чтобы лучше учитывать необходимость защиты общего достояния как от рыночных сил и приватизации, так и от захвата государством. В последних документах прямо говорится о режимах общей собственности, основанных на обычных формах владения, с целью обеспечения защиты таких режимов от посягательств. В Добровольных руководящих принципах ответственного регулирования вопросов владения и пользования земельными, рыбными и лесными ресурсами в контексте национальной продовольственной безопасности, одобренных в 2012 году Комитетом по всемирной продовольственной безопасности Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций, предусматривается, что государствам следует обеспечивать, чтобы механизмы регулирования вопросов владения и пользования «признавали и уважали... законные права владения и пользования, в том числе традиционные права владения и пользования, пока не защищены законом» (руководящий принцип 5.3), при наличии «принадлежащих государству земельных, рыбных и лесных ресурсов, которые находятся в коллективном пользовании и управлении (в контексте отдельных стран они определяются как общинные), государствам следует... признавать и защищать такие принадлежащие государству земельные, рыбные и лесные ресурсы и соответствующие системы коллективного пользования и управления ими, в том числе в процессе выделения ресурсов государством» (руководящий принцип 8.3).

21. Аналогичные формулировки встречаются в Добровольных руководящих принципах обеспечения устойчивого маломасштабного рыболовства в контексте продовольственной безопасности и искоренения бедности, принятых в 2014 году Комитетом по рыбному хозяйству Продовольственной и сельскохозяйственной

²⁷ См. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, *Трухильо Калеро против Эквадора* (E/C.12/63/D/10/2015).

²⁸ High-Level Panel on Women's Economic Empowerment, "Leave no one behind: taking action for transformational change on women's economic empowerment" (2017).

²⁹ См. URL: <https://foundationaleconomy.com>.

³⁰ A/78/175, пп. 49 и 54.

организации Объединенных Наций по итогам трехлетнего процесса с участием всех заинтересованных сторон, а также в Декларации Организации Объединенных Наций о правах крестьян и других лиц, работающих в сельских районах, принятой Генеральной Ассамблеей 17 декабря 2018 года³¹.

22. Помимо запрета государствам лишать людей доступа к ресурсам, от которых они зависят, право прав человека налагает обязанность не нарушать производство и распределение ресурсов на основе практики обобществления (коллективного управления общими ресурсами) как часть более широкой обязанности воздерживаться от вмешательства в осуществление прав. В ситуациях, когда соответствующие таким правам товары и услуги предоставляются самим сообществом или когда пользование ими зависит от существующего доступа к определенным ресурсам, таким как земля и вода, эта обязанность заключается в соблюдении институциональных договоренностей, касающихся общего достояния. Хотя эта обязанность подтверждается в первую очередь в отношении земли или природных ресурсов, она ими не ограничивается. В своем замечании общего порядка № 4 (1991) о праве на достаточное жилище Комитет по экономическим, социальным и культурным правам определяет устойчивый доступ к природным и общим ресурсам как элемент того, что представляет собой достаточное жилище (пункт 8 b)). Общинные жилищные кооперативы, такие как программа «Баан Манконг», запущенная в Таиланде в 2016 году³², или программа мобилизации средств на цели жилищного строительства, осуществляемая в странах Центральной и Юго-Восточной Европы Европейским кооперативным обществом (ЕКО)³³, являются иллюстрацией потенциального вклада инициатив на уровне сообществ в обеспечение доступности жилья³⁴. В своем замечании общего порядка № 19 (2007) о праве на социальное обеспечение Комитет по экономическим, социальным и культурным правам включает в обязанность государства уважать право на социальное обеспечение обязательство воздерживаться от «произвольного или необоснованного вмешательства в самостоятельные, устоявшиеся или традиционные программы социального обеспечения» или «в деятельность учреждений, которые были созданы отдельными лицами или корпоративными органами в целях социального обеспечения» (п. 44).

23. При определенных условиях местные сообщества управляют общими ресурсами рациональнее и эффективнее, чем если бы такое управление было передано либо отдельным владельцам по итогам процесса приватизации, либо государству³⁵. Местные сообщества находятся в идеальном положении для разработки такой системы управления, которая наилучшим образом соответствует местным условиям. Устанавливаемые ими правила воспринимаются членами сообщества как весьма легитимные, и, поскольку члены сообщества сами участвуют в формировании режима управления, у них есть серьезный стимул к тому, чтобы способствовать его соблюдению. Наконец, поскольку правила устанавливаются с целью улучшения положения сообщества в целом, а не отдельных его членов, они могут разрабатываться таким образом, чтобы минимизировать негативные внешние эффекты и сохранить долгосрочную жизнеспособность ресурса, что повышает устойчивость³⁶. Таким образом, предоставление услуг посредством обобществления дает ряд преимуществ, включая расширение прав и возможностей местных сообществ, вырабатывающих собственные решения, инклюзивный доступ и улучшение подотчетности. Однако стремление к росту часто подталкивает к процессам приватизации, которые приводят

³¹ См., в частности, статьи 5 (п. 1) и 28.

³² См. URL: <https://en.codi.or.th/baan-mankong-rural>.

³³ См. URL: <https://moba.coop>.

³⁴ Global Initiative for Economic, Social and Cultural Rights, “The commons and public services: a new way forward or an alternative to human rights?” (2024).

³⁵ Stéphanie Leyronas, Benjamin Coriat and Kako Nubukpo, eds., *The Commons: Drivers of Change and Opportunities for Africa* (Washington, D.C., World Bank, 2023).

³⁶ Elinor Ostrom, *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action* (New York, Cambridge University Press, 1990); Arun Agrawal, “Common property institutions and sustainable governance of resources”, *World Development*, vol. 29, No. 10 (2001), pp. 1649–1672; and Michael Cox, Gwen Arnold and Sergio Villamayor Tomás, “A review of design principles for community-based natural resource management”, *Ecology and Society*, vol. 15, No. 4 (2010).

к эрозии общего достояния ради создания новых рынков и извлечения максимальной прибыли из эксплуатации ресурсов³⁷.

III. Развитие без роста

24. Вписывать экономику в сценарии развития мира, в котором роста больше не будет, не означает вводить меры жесткой экономии; это не следует путать с рецессией, хотя рецессии характеризуются отрицательными темпами роста. Напротив, ориентация экономики на будущее после роста означает демократическое планирование перехода к экономике, которая будет ослаблять свою зависимость от роста таким образом, чтобы это способствовало реализации экономических, социальных и культурных прав и сокращению неравенства. Попытки отвести общество от поиска путей обеспечения роста будут наталкиваться на сопротивление до тех пор, пока люди будут отождествлять экономический рост с прогрессом и улучшением благосостояния³⁸. Поэтому, для того чтобы подход к развитию без роста был успешным, необходимо укреплять демократию: ставить под сомнение некоторые широко распространенные предположения о взаимосвязи между ростом и благосостоянием или счастьем можно будет, в частности, благодаря развитию форм демократии, основанных на широком участии³⁹.

25. Обеспечение благосостояния, основанного на реализации прав человека, нельзя будет спутать с удовлетворением безграничных желаний получить еще больше, которые порождаются маркетинговыми стратегиями компаний и подпитываются борьбой за статус и погоней за «престижными вещами»⁴⁰. Вместо этого нереалистичные ожидания, основанные на суверенитете потребителя, должны быть заменены нормой достаточности, основанной на правах человека⁴¹. Полная реализация прав человека требует не бесконечных усилий по удовлетворению бесконечных желаний, а гарантии целого ряда прав, соблюдение которых позволят людям процветать в мире ограниченности ресурсов. Комитет по правам ребенка подчеркивает, что права на достаточное жилье, питание, воду и санитарии должны реализовываться на устойчивой основе, в том числе в отношении потребления материалов, использования ресурсов и энергии, а также освоения пространства и природы⁴².

26. Демократическая дискуссия призвана гарантировать направление имеющихся ресурсов в первую очередь на обеспечение адекватного уровня оказания государственных услуг (в таких сферах, как здравоохранение, образование, общественный транспорт, энергоснабжение и жилье) и социальной защиты, а не на удовлетворение спроса групп населения с самой высокой покупательной способностью⁴³. В этом смысле будущее без роста — это будущее, ориентированное на полную реализацию прав человека: оно прямо расходится с подходом, согласно которому ввиду декларируемой необходимости сокращения государственных расходов права можно приносить в жертву.

³⁷ О последствиях приватизации государственных активов см. [A/73/396](#).

³⁸ Milena Büchs and Max Koch, “Challenges to the degrowth transition: the debate about wellbeing”, *Futures*, vol. 105 (2019), pp. 155–165.

³⁹ Jonas Lage and others, “Citizens call for sufficiency and regulation – a comparison of European citizen assemblies and national energy and climate plans”, *Energy Research & Social Science*, vol. 104 (2023).

⁴⁰ Fred Hirsch, *Social Limits to Growth* (London, Routledge and Kegan Paul, 1977); and Robert H. Frank, “Positional externalities cause large and preventable welfare losses”, *American Economic Review*, vol. 95, No. 2 (2005), pp. 137–141.

⁴¹ Doris Fuchs and others, *Consumption Corridors: Living a Good Life within Sustainable Limits* (London, Routledge, 2021), p. 69.

⁴² Замечание общего порядка № 26 (2023). См. также Andreas Buser, «From doughnut economics to doughnut jurisprudence: a human rights perspective», *Human Rights Law Review*, vol. 24, No. 2 (forthcoming).

⁴³ Timothée Parrique, “The political economy of degrowth”, PhD dissertation, Université Clermont Auvergne and Stockholm University, 2019.

A. Оценить то, что важно

27. В последние годы был достигнут значительный прогресс в разработке и использовании показателей социального прогресса в качестве альтернативы ВВП⁴⁴. В то время как ряд стран вводят в той или иной форме индексы благосостояния, некоторые идут дальше, используя такие показатели при выработке политики. В 2008 году в Бутане был введен валовой национальный индекс счастья, который призван оценивать прогресс по девяти областям и 33 показателям, охватывающим психологическое, медицинское, культурное и экологическое благополучие; Конституция Бутана требует от правительства учитывать валовой национальный индекс счастья при выработке политики⁴⁵. Конституции Эквадора и Многонационального Государства Боливия содержат ссылки на понятие *buen vivir* (жизнь в достатке) как ориентир для развития⁴⁶. В составе правительства Шотландии есть подразделение по оценке эффективности деятельности государства по достижению национальных целей (поставленных в рамках внедренной в 2007 году Национальной системы оценки эффективности деятельности) по результатам обследований домохозяйств. В Уэльсе соблюдение Закона о благополучии будущих поколений 2015 года оценивает Уполномоченный по делам будущих поколений Уэльса. В 2019 году Новая Зеландия стала одной из первых стран, утвердивших бюджет благосостояния, который ставит обеспечение благосостояния и защиту окружающей среды в центр бюджетного процесса правительства, а не заикливается только на ВВП; разработанный с этой целью в контексте рамочной программы повышения уровня жизни информационная панель помогает оценивать не только фискальные и экономические последствия того или иного политического решения.

28. В 2020 году Консультативная группа Генерального секретаря ОЭСР по формированию нового нарратива роста рекомендовала директивным органам учитывать четыре основные цели в новых рамках экономической теории, анализа и политики: экологическая устойчивость, рост благосостояния, снижение неравенства и обеспечение жизнестойкости системы⁴⁷. Признавая, что «доход имеет большое значение, особенно для тех, чьи доходы низки», Консультативная группа особо отметила, что «широкий спектр других факторов», позволяющих «жить полноценной жизнью и преуспевать», не будет автоматически обусловлен ростом ВВП. Действительно, в докладе говорится, что, какой бы прогресс ни ожидался от роста ВВП, «зачастую ему могут навредить способы его достижения — особенно в случае тех, кто имеет более низкие доходы и перебивается случайным заработком, а также в тех случаях, когда во главу угла ставятся не общественные блага, а частное потребление»⁴⁸.

29. Свою роль играет и Организация Объединенных Наций. С 1990 года ПРООН разрабатывает индекс человеческого развития, который является обобщенным показателем достижений разных стран по трем измерениям человеческого развития: долгой и здоровой жизни, информированности и достойному уровню жизни⁴⁹. В рамках Целей в области устойчивого развития решению задачи 17.19 предшествовало принятие Генеральной Ассамблеей 19 июля 2011 года резолюции 65/309, в которой Генеральная Ассамблея признала, что такой показатель, как ВВП, по своему характеру не может достоверно свидетельствовать о счастье и благополучии народа той или иной страны и не создан для этого, что нерациональные

⁴⁴ Rutger Hoekstra, *Replacing GDP by 2030. Towards a Common Language for the Well-Being and Sustainability Community* (Cambridge, United Kingdom, Cambridge University Press, 2019).

⁴⁵ Milan Thomas and Yangchen C. Rinzin, “What is Bhutan’s Gross National Happiness Index?”, *Asian Development Blog*, 20 March 2023, available at <https://blogs.adb.org/blog/your-questions-answered-what-bhutan-s-gross-national-happiness-index>.

⁴⁶ Alberto Acosta, “El buen (con)vivir, una utopía por (re)construir: alcances de la Constitución de Montecristi”, *Obets Revista de Ciencias Sociales*, vol. 6, No. 1 (2011), pp. 35–67 (in Spanish); and Martin Calisto Friant and John Langmore, “The *buen vivir*: a policy to survive the Anthropocene?”, *Global Policy*, vol. 6, No. 1 (2015), pp. 64–71.

⁴⁷ OECD, *Beyond Growth: Towards a New Economic Approach* (Paris, 2020).

⁴⁸ *Ibid.*, p. 17.

⁴⁹ См. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI>.

модели производства и потребления могут препятствовать устойчивому развитию и что необходим более всеобъемлющий, справедливый и сбалансированный подход к обеспечению экономического роста, способствующий устойчивому развитию, искоренению нищеты, счастью и благополучию всех народов. Кроме того, в ней государствам-членам было предложено продолжать их усилия по разработке дополнительных мер, в которых полнее учитывалась бы важность стремления к счастью и благополучию в контексте развития, в целях ориентации их государственной политики. Стоит отметить, что сами по себе Цели в области устойчивого развития представляют альтернативу ВВП в качестве компаса, помогающего направлять общественные действия.

30. Опираясь на доклад «Наша общая повестка дня», Генеральный секретарь в своей концептуальной записке 4 признал, что в показателе ВВП не учитывается человеческое благополучие, и изложил различные пути выхода за рамки валового внутреннего продукта для достижения Целей в области устойчивого развития⁵⁰. Отметив, что благополучие, равенство и экологическая устойчивость — это комплексные многомерные явления, которые не могут быть рассмотрены с помощью единственного суммарного показателя, такого как ВВП⁵¹, Генеральный секретарь поставил под сомнение полезность единственного комплексного показателя, который может обобщать слишком многое и отражать слишком мало, чтобы его можно было использовать в качестве адекватной информационной основы для выработки политики⁵². Напротив, Генеральный секретарь поддерживает создание концептуальной системы для оценки того, что важно, которая была бы нацелена на достижение трех основных результатов (благополучие и субъектность, уважение к жизни и планете, а также уменьшение неравенства и укрепление солидарности) и обеспечение трех элементов (управление, основанное на широком участии, и укрепление институтов, инновационная и этическая экономика и переход от уязвимости к устойчивости)⁵³. В этой концептуальной записке Генеральный секретарь предложил создать независимую группу экспертов высокого уровня для разработки информационной панели, отражающей потенциальные показатели.

31. В целом, попытки определить показатели благополучия характеризуются тремя изъянами. Во-первых, они воспринимаются как произвольные, а не консенсусные и объективные, потому что как перечень компонентов благополучия, так и вес, который должен быть придан каждому из них, могут быть оспорены. Во-вторых, в них отсутствует элемент подотчетности: за редким исключением правительства могут привычно игнорировать предупреждающие сигналы, которые подают показатели благополучия. По обеим этим причинам было бы весьма целесообразно привязывать показатели благополучия к правам человека и предоставлять правозащитным механизмам возможность контролировать их соблюдение. В-третьих, хотя эти показатели являются инструментом, позволяющим обществу понять, в каком направлении оно движется, они не способны обеспечивать нахождение решений. Они могут привлекать внимание сообществ к необходимости менять курс, но они не подсказывают, как именно. В следующем разделе доклада Специальный докладчик рассматривает некоторые направления приложения усилий.

В. Устранение неравенства

32. В центре поиска подходов к искоренению нищеты в мире без экономического роста должна быть борьба с неравенством в доходах и богатстве, т. е. с «вертикальным неравенством», в отличие от «горизонтального неравенства» между группами, которое традиционно больше всего заботило правозащитников.

⁵⁰ Генеральный секретарь, «Оценивать то, что важно: рамочная система, предусматривающая выход за рамки показателя валового внутреннего продукта». Концептуальная записка 4 для Нашей общей повестки дня (май 2023 года), сс. 3 и 8.

⁵¹ Там же, с. 10.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, с. 9.

33. Во-первых, неравенство (как внутри стран, так и между ними) позволяет наиболее обеспеченным слоям населения распоряжаться ресурсами, которые в результате оказываются недоступными для удовлетворения базовых потребностей людей, живущих в нищете. Чем больше производственная система ориентируется на спрос и чем дольше сохраняется разница в доходах, тем больше ресурсов будет отвлекаться на удовлетворение желаний богатых, а не потребностей бедных. Таким образом, если в экономике допускается высокий уровень неравенства, эти потребности она удовлетворяет менее эффективно.

34. Во-вторых, накопление богатства узкой прослойкой элиты оказывает значительное влияние, в частности на выбросы парниковых газов, в силу инвестиционного выбора наиболее состоятельных групп населения. На долю 1 % наиболее обеспеченного населения мира приходится 23 % общего прироста выбросов с 1990 года (в то время как на долю 50 % беднейших слоев населения приходится лишь 16 % всего прироста выбросов); наибольшая часть выбросов, приходящихся на долю богатейших людей, обусловлена характером их инвестиций, а не потреблением⁵⁴.

35. В-третьих, усилия по сокращению неравенства позволяют покончить в итоге с моделями потребления, которые в наибольшей степени расходятся с целями устойчивого развития и которые могут позволить себе только самые богатые слои населения, проживающие в основном в богатых странах. В глобальном масштабе на долю 10 % наиболее богатых слоев населения планеты (две трети из которых проживают в регионах с высоким уровнем дохода) приходится около 36–45 % глобальных выбросов парниковых газов, в то время как выбросы в результате потребления ресурсов гражданами со средним уровнем дохода и беднейшими слоями населения в странах с формирующимся рынком в 5–50 раз ниже, чем у тех же категорий населения в странах с высоким уровнем дохода⁵⁵. Проблема заключается не только в богатстве элиты из-за того, что такие модели потребления допускаются, но и в самом неравенстве, поскольку неравенство порождает социальную борьбу за статус через материальное потребление. Действительно, после достижения определенного уровня индивидуального достатка мы хотим материальных вещей не из-за комфорта, который они обеспечивают, а из-за сигнала, который мы посылаем окружающим: неравные общества подстегивают постоянную гонку за статусом через потребление⁵⁶. В отличие от этого в более эгалитарных обществах или в обществах, где свое социальное положение можно демонстрировать иными средствами, а не через потребление, рост, требуемый для подпитывания цикла «зарабатывать, чтобы тратить, чтобы в свою очередь потреблять», становится менее необходимым⁵⁷.

36. В-четвертых, неравенство в доходах и богатстве имеет политические последствия. Экономическое доминирование легко конвертируется в политическое влияние, что позволяет самым богатым группам населения и наиболее влиятельным экономическим субъектам накладывать вето на любые изменения, которые могут бросить вызов выгодному им статус-кво⁵⁸. Кроме того, в менее эгалитарных обществах гражданская активность, как правило, ниже, а различия в доступе к информации и власти препятствуют мобилизации людей, живущих в нищете, хотя именно они

⁵⁴ Lucas Chancel, “Global carbon inequality over 1990–2019”, *Nature Sustainability*, vol. 5, No. 11 (2022), pp. 931–938.

⁵⁵ Dhakal, Minx and Toth, “Emissions trends and drivers”, paras. 2.6.1 and 2.6.2.

⁵⁶ Olivier De Schutter, Kate Pickett and Richard Wilkinson, “Equality as an ingredient for a post-growth world”, in *Transformative Ideas - Ensuring a Just Share of Progress for All*, Kalina Arabadjieva and others, eds. (Brussels, European Trade Union Institute, 2023), pp. 81–92.

⁵⁷ Richard Wilkinson and Kate Pickett, *The Spirit Level. Why Greater Equality Makes Societies Stronger* (London, Allen Lane, 2009), p. 226.

⁵⁸ Martin Gilens, *Affluence and Influence. Economic Inequality and Political Power in America* (Princeton, Princeton University Press, 2012); and Alessandro Roncaglia, *Power and Inequality: A Reformist Perspective* (Cambridge, United Kingdom, Cambridge University Press, 2024).

больше всего страдают от бездействия в таких вопросах, как загрязнение воздуха и воды, от которого они не могли бы себя защитить⁵⁹.

37. Таким образом, неравенство образует порочный круг. Оно ведет к усилению финансового фактора в экономике, что является одним из основных источников увеличения выбросов парниковых газов, и стимулирует такие модели потребления богатыми людьми (огромные дома, более мощные автомобили, экзотические поездки), которые провоцируют борьбу за использование ограниченных ресурсов с маргинализированными сообществами и домохозяйствами с низким уровнем дохода. Такие сообщества и домохозяйства выбывают из этой борьбы по финансовым причинам, и в конечном счете они не могут удовлетворять свои потребности даже в тех ситуациях, когда в противном случае ресурсов было бы достаточно для обеспечения достойного уровня жизни для всех. Образ жизни богатых людей, обусловленный борьбой за статус и показным потреблением, подпитывает движимую потреблением модель сложившейся глобальной экономической системы, которая опирается на постоянный рост производства и приобретение потребительских товаров ради поддержания экономического роста. Такой образ жизни совершенно несовместим с необходимостью снижения нагрузки на окружающую среду. Однако контроль над активами позволяет влиятельным экономическим субъектам, которым выгоден статус-кво, накладывать вето на любые значительные реформы, способные поставить под угрозу их доминирующее положение.

С. Переход от экономики, ориентированной на извлечение прибыли, к экономике прав человека

38. Реформы экономики, снижающие ее зависимость от рынка, могут позволить обществу вырваться из замкнутого круга, в котором перепроизводство, продиктованное необходимостью увеличения прибыли, может поддерживаться только за счет стимулирования избыточного потребления, что тем самым загоняет людей в цикл «работа ради потребления», который является препятствием для того, чтобы жить и преуспевать. Что касается потребления, то доступ к товарам и услугам, необходимым для полного осуществления прав человека, должен меньше зависеть от платежеспособности и, следовательно, от доступа к оплачиваемой работе. Что касается производства, то производственные мощности должны быть в большей мере ориентированы на удовлетворение базовых потребностей и в меньшей степени — на удовлетворение желаний, порождаемых маркетинговыми стратегиями компаний и подстегиваемых тревогой за свой статус. Вырисовываются пять приоритетных направлений.

1. Стимулирование социальной и солидарной экономики

39. К социальной и солидарной экономике относятся предприятия, которые придерживаются в своей деятельности принципа «приоритета людей и социальных целей над капиталом в распределении и использовании излишков и/или прибыли и активов»⁶⁰. Они производят товары и оказывают услуги, чтобы выполнить свою социальную миссию, определяемую их работниками⁶¹. Таким образом, их цель — не вознаграждение инвесторов, а удовлетворение потребностей сообщества⁶².

40. Предприятия социальной и солидарной экономики либо не могут перераспределять дивиденды в пользу акционеров, либо строго ограничены в возможностях вознаграждения инвесторов. Они занимаются долгосрочными

⁵⁹ James K. Boyce, “The environmental cost of inequality”, *Scientific American*, vol. 319, No. 5 (2018), p. 72; and James K. Boyce, *Economics for People and the Planet: Inequality in the Era of Climate Change* (Anthem Press, 2019).

⁶⁰ Резолюция Международной организации труда о достойном труде и социальной и солидарной экономике, документ ILC.110/Резолюция II, 10 июня 2022 года, п. 5.

⁶¹ Sybille Mertens, *La gestion des entreprises sociales* (Liège, Edipro, 2010).

⁶² Walter W. Powell and Richard Steinberg, *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*, 2nd ed. (New Haven, Yale University Press, 2006).

инвестициями, которые не поощряют сиюминутную выгоду и не позволяют накапливать богатство или заниматься финансовыми спекуляциями⁶³. Любая получаемая прибыль будет либо реинвестироваться в компанию, либо неявно перераспределяться, например через политику закупок или продаж. Более того, управление предприятиями социальной экономики носит демократический характер: вместо того, чтобы привязывать право голоса к размеру инвестированного капитала, каждый акционер, как правило, имеет один голос, а большинство акционеров играют двойную роль: инвестора-работника, инвестора-потребителя или даже инвестора-поставщика⁶⁴. Такое демократическое принятие решений гарантирует направленность стратегических решений предприятия не на извлечение максимальной прибыли, а на продвижение интересов его работников и/или общих интересов⁶⁵.

41. В отличие от коммерческих предприятий, для которых рост является обязательным условием привлечения инвесторов, а прибыль зависит от экстрактивных бизнес-моделей (поскольку они должны извлекать больше, чем возвращать), предприятия социальной и солидарной экономики могут таким образом отделять экономическую жизнеспособность от императива роста.

2. Демократизация труда

42. Хотя демократическое управление является одной из характеристик социальной и солидарной экономики, демократию на рабочем месте можно и нужно поощрять во всех компаниях, в том числе и в коммерческом секторе⁶⁶. Хотя принято считать, что профсоюзы будут противиться переходу на более экологически рациональные методы производства и бизнес-модели, особенно в ресурсоемких отраслях с высоким уровнем загрязнения, есть свидетельства того, что ситуация в этом смысле меняется⁶⁷. Заинтересованность работников в здоровых и безопасных условиях труда часто совпадает с поиском методов производства, наносящих меньший вред окружающей среде. Работники гораздо чаще, чем акционеры, являются частью сообществ, на которые влияют отходы и загрязнения, вызванные определенными производственными процессами. Наконец, наделение работников более важной функцией в выработке стратегических решений компаний, в том числе в отношении глобальных сбытовых цепочек, будет способствовать снижению стимулов компаний к передаче наиболее загрязняющих сегментов производственных цепочек в юрисдикции, где экологические нормы отсутствуют или же соблюдение таких норм не обеспечивается в полной мере.

43. Демократизацию труда можно усилить, обеспечив работникам доступ к жизненно необходимым вещам не только через работу. Введение гарантий занятости⁶⁸ или обеспечение всеобщего охвата базовыми услугами будут ослаблять способность корпораций прибегать к «шантажу занятостью» и, таким образом, поддерживать попытки трудящихся добиваться того, чтобы увеличение прибыли не ставилось выше здоровья работников или сообществ⁶⁹.

⁶³ Matthew Thompson, "Social economy and social enterprise", in *International Encyclopedia of Human Geography*, Audrey Kobayashi, ed., 2nd ed., vol. 12 (Elsevier, 2020), pp. 239–247.

⁶⁴ OECD, "What is the social and solidarity economy? A review of concepts", OECD Local Economic and Employment Development Papers, No. 2023/13 (2023).

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Аргументы, выдвинутые более чем 6000 ученых со всего мира см. URL: www.DemocratizingWork.org.

⁶⁷ Paul Guillibert, *Exploiter les vivants: une écologie politique du travail* (Paris, Amsterdam Editions, 2023) (in French).

⁶⁸ A/HRC/53/33.

⁶⁹ J. Mijin Cha and others, *Workers and Communities in Transition: Report of the Just Transition Listening Project* (Labor Network for Sustainability, 2021); and Alyssa Battistoni, "Sustaining life on this planet", in *Democratize Work: The Case for Reorganizing the Economy*, Isabelle Ferreras, Julie Battilana and Dominique Méda, eds. (Chicago and London, University of Chicago Press, 2022), pp. 103–110.

3. Разделение ставки на части

44. Сокращение рабочего дня во многом может способствовать снижению нагрузки экономической деятельности на экосистемы⁷⁰. В исследовании, сравнивающем 29 стран — членов ОЭСР с высоким уровнем дохода за период 1970–2007 годов, было показано, что сокращение рабочего дня приводит к уменьшению экологического следа (измеряемого как площадь биопродуктивных земель, необходимых для удовлетворения спроса на продукты питания, жилье, транспорт, потребительские товары и услуги путем предоставления ресурсов и поглощения отходов), углеродного следа (определяемого по выбросам углерода в результате потребления ресурсов жителями страны, включая выбросы, связанные с импортом) и территориальных выбросов углерода (произведенных в границах рассматриваемой территории)⁷¹. Аналогичным образом, в исследовании, посвященном использованию времени и структуре потребления шведских домохозяйств, было показано, что сокращение рабочего дня на 1 % может снизить энергопотребление и выбросы парниковых газов примерно на 0,7 и 0,8 %, соответственно⁷². В Соединенных Штатах Америки была установлена существенная связь между продолжительностью рабочего дня и выбросами углекислого газа: эта связь объясняется как вкладом продолжительного рабочего дня в ВВП, так и более углеродоемким образом жизни работников, сталкивающихся с нехваткой времени из-за продолжительного рабочего дня⁷³.

45. Здесь срабатывают два механизма. Во-первых, сокращение рабочего времени обычно приводит к снижению доходов, что вынуждает домохозяйства меньше потреблять. Во-вторых, сокращение рабочего времени может приводить к созданию пространства для менее энергоемких, но более трудоемких моделей потребления (например, когда человек готовит еду сам, а не покупает готовые блюда), а также для налаживания собственного производства, что снижает зависимость от рынка. Первый механизм будет особенно важен в ситуациях, когда сокращение рабочего времени сопровождается снижением заработной платы, что следует поощрять только при условии полной гарантии права на заработную плату, обеспечивающую прожиточный минимум, и справедливое вознаграждение⁷⁴, а также при увеличении государственных инвестиций в обеспечение всеобщего охвата базовыми услугами.

4. Борьба с потребительством

46. Борьба с неравенством перекликается с борьбой с потребительством, т. е. со стимулированием потребления с помощью маркетинга и постоянных инноваций. Со времени окончания Второй мировой войны маркетинговые стратегии преследуют цель не удовлетворения спроса путем выявления неудовлетворенных потребностей, а стирания грани между потребностями и желаниями и создания новых объектов желания⁷⁵. Это, а также растущие темпы инноваций, приводящие к быстрому устареванию предметов личного потребления, благоприятствуют безудержному росту бизнеса. Это также усугубляет положение людей с низким уровнем дохода, которые

⁷⁰ Это также может оказывать значительное влияние на гендерное равенство, и, таким образом, это также является средством повышения ценности неоплачиваемого труда, связанного с ведением домашнего хозяйства, и работы по уходу: см. De Schutter, *The Poverty of Growth*, pp. 89 и 90.

⁷¹ В частности, исследование показало, что сокращение рабочего времени на 10 % приводит к уменьшению экологического следа, углеродного следа и выбросов углекислого газа на 12,1, 14,6 и 4,2 % соответственно. См. Kyle W. Knight, Eugene A. Rosa and Juliet B. Schor, “Reducing growth to achieve environmental sustainability: the role of work hours”, in *Capitalism on Trial: Explorations in the Tradition of Thomas E. Weisskopf*, Jeannette Wicks-Lim and Robert Pollin, eds. (Cheltenham, Edward Elgar, 2013), pp. 187–204.

⁷² Jonas Nässén and Jörgen Larsson, “Would shorter working time reduce greenhouse gas emissions? An analysis of time use and consumption in Swedish households”, *Environment and Planning C: Government and Policy*, vol. 33, No. 4 (2015), pp. 726–745.

⁷³ Jared B. Fitzgerald, Juliet B. Schor and Andrew K. Jorgenson, “Working hours and carbon dioxide emissions in the United States, 2007–2013”, *Social Forces*, vol. 96, No. 4 (2018), pp. 1851–1874.

⁷⁴ [A/78/175](#).

⁷⁵ Joseph J. Merz and others, “World scientists’ warning: the behavioural crisis driving ecological overshoot”, *Science Progress*, vol. 106, No. 3 (2023).

не могут поспевать за сдвигами в социальных ожиданиях⁷⁶. Поиску стратегии развития в мире без роста могут способствовать запрет на рекламу, запрет на плановое устаревание товаров и установление права на ремонт.

5. Всеобщий охват базовыми услугами

47. Помимо повышения доходов путем гарантирования права на зарплату, обеспечивающую прожиточный минимум, и справедливое вознаграждение⁷⁷, а также укрепления социальной защиты, правительствам следует инвестировать средства в обеспечение всеобщего охвата базовыми услугами, открывая доступ для всех к услугам, которые способствуют реализации прав человека⁷⁸: на достаточное жилище, охрану здоровья, полноценное питание в школах, водо- и энергоснабжение, транспорт и доступ к цифровым технологиям⁷⁹. Примеров тому множество: это и Национальная служба здравоохранения в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии и 420 000 единиц социального жилья в Вене, это и предоставление услуг по уходу за детьми в Швеции и внедрение в 2020 году в Люксембурге системы бесплатного общественного транспорта.

48. Если они будут финансироваться за счет перераспределительных налоговых схем, усилия по обеспечению всеобщего охвата базовыми услугами могут способствовать сокращению неравенства. Чем больше базовых потребностей будет удовлетворяться путем обеспечения всеобщего охвата базовыми услугами, тем меньшее значение будет иметь разница в доходах и тем реже будут оказываться в неблагоприятном положении домохозяйства с низким уровнем доходов. Всеобщий охват базовыми услугами также позволяет избегать рисков, связанных с адресностью услуг, оказываемых с учетом наличия средств, что, как правило, приводит к неполному охвату этими услугами и высоким показателям их невостребованности⁸⁰. Кроме того, такой подход может быть политически более состоятельным, поскольку налогоплательщики и избиратели могут более благосклонно относиться к бюджетным обязательствам, которые пойдут на пользу не только малообеспеченным гражданам, но и всему населению в целом⁸¹. Благодаря системе госзакупок, обеспечивающей учет социально-экологических факторов, и экологически ориентированному проектированию всеобщий охват базовыми услугами может также обеспечивать предоставление услуг средствами, снижающими нагрузку на окружающую среду: например, в рамках программ социального жилья можно строить дома с улучшенной теплоизоляцией; в энергоснабжении приоритетом может быть чистая энергия; при организации программ школьного питания приоритет может отдаваться местным закупкам продуктов у мелких фермеров, использующих агроэкологические методы производства; и инвестиции в общественный транспорт могут способствовать сокращению количества автомобилей на дорогах.

IV. Нерешенные проблемы

49. На пути к ориентированию экономики на реализацию прав человека, а не на увеличение объемов производства, оцениваемых в денежном выражении, сохраняются значительные препятствия. Культурные барьеры вполне реальны: многие люди до сих пор полагают, что между экономическим ростом и прогрессом человечества можно ставить знак равенства. Не стоит недооценивать и вопросы политической экономии:

⁷⁶ A/75/181, пп. 49–52.

⁷⁷ A/78/175.

⁷⁸ См. Our Future is Public: The Santiago Declaration on Public Services, adopted in December 2022 by a large coalition of civil society groups and experts.

⁷⁹ Anna Coote and Andrew Percy, *The Case for Universal Basic Services* (Cambridge, United Kingdom, Polity, 2020).

⁸⁰ A/HRC/50/38.

⁸¹ Walter Korpi and Joakim Palme, "The paradox of redistribution and strategies of equality: welfare state institutions, inequality and poverty in the western countries", *American Sociological Review*, vol. 63, No. 5 (1998), pp. 661–687.

субъекты, которым выгоден статус-кво, будут стремиться противостоять переменам⁸². Помимо необходимости мобилизовать необходимую поддержку, директивные органы сталкиваются с двумя основными проблемами, которые рассматриваются ниже.

A. Финансирование государственных услуг

50. Принято считать, что рост ВВП необходим для финансирования услуг, которые государство предоставляет населению, а также для инвестиций, необходимых для «зеленого перехода» — например, в возобновляемые источники энергии или в инфраструктуру общественного транспорта. Действительно, государства всеобщего благосостояния, возникшие в странах с развитой экономикой в начале XX века, финансировались в основном за счет отчислений работников и работодателей и подоходного налога. Постоянный рост экономической активности, стимулируемый потребительским спросом (который в кейнсианских подходах поддерживается программами выплаты пособий малоимущим), позволял правительствам предоставлять населению целый спектр услуг (в таких сферах, как здравоохранение, образование, общественный транспорт и жилье) и укреплять социальную защиту (с помощью как накопительных схем, так и ненакопительных форм социальной помощи). В будущем потребности будут продолжать расти, особенно в сфере здравоохранения и пенсионного обеспечения, поскольку страны сталкиваются с явлением старения населения (что является результатом увеличения продолжительности жизни и снижения уровня рождаемости) и изменениями в семье (увеличение числа разводов и неполных семей): в странах ОЭСР доля людей в возрасте 65 лет и старше по сравнению с долей людей трудоспособного возраста удвоилась за период 1950–2015 годов и может снова удвоиться к 2075 году⁸³. Кроме того, учет экологических аспектов в экономике и, в более широком смысле, достижение Целей в области устойчивого развития потребуют значительных инвестиций⁸⁴.

51. Сегодня задача состоит в том, чтобы финансировать такую государственную политику, не увеличивая при этом общий объем экономической деятельности (измеряемый показателем ВВП)⁸⁵. Хотя государства, обладающие монетарным суверенитетом (эмитирующие собственную валюту, которую поставщики товаров и услуг принимают в качестве оплаты), могут позволить себе высокий уровень государственного долга⁸⁶, тем не менее, существуют значительные ограничения. Чрезмерный спрос (в том числе на государственные ассигнования) может приводить к инфляции, если реальная экономика не сможет удовлетворять этот спрос, что особенно вероятно в условиях, когда некоторые формы производства будут дестимулированы или свернуты (например, производство на основе ископаемого топлива). Более того, эмиссионное финансирование будет контрпродуктивным, если увеличение спроса в результате государственных расходов будет стимулировать рост экономической активности, что еще больше усилит нагрузку на окружающую среду. Поэтому государственные расходы должны быть строго ориентированы на поддержку производства, отвечающего принципам устойчивого развития как с социальной, так и с экологической точек зрения: они должны поддерживать производство товаров и

⁸² Hubert Buch-Hansen, “The prerequisites for a degrowth paradigm shift: insights from critical political economy”, *Ecological Economics*, vol. 146 (April 2018), pp. 157–163.

⁸³ OECD, *Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators* (Paris, 2017).

⁸⁴ Оценки см. Vera Songwe, Nicholas Stern and Amar Bhattacharya, *Finance for Climate Action: Scaling up Investment for Climate and Development* (London, London School of Economics and Political Science, 2022); Vitor Gaspar and others, “Fiscal policy and development: human, social, and physical investments for the SDGs”, Staff Discussion Notes, No. 2019/003 (Washington, D.C., International Monetary Fund, 2019); and Homi Kharas and John W. McArthur, “Building the SDG economy: needs, spending, and financing for universal achievement of the Sustainable Development Goals”, *Global Economy and Development Working Paper*, No. 131 (Washington, D.C., Brookings Institution, 2019).

⁸⁵ Daniel W. O’Neill and others, “A good life for all within planetary boundaries”, *Nature Sustainability*, vol. 1, No. 2 (2018), pp. 88–95.

⁸⁶ Stephanie Kelton, *The Deficit Myth: Modern Monetary Theory and How to Build a Better Economy* (London, John Murray, 2020).

услуг, необходимых домохозяйствам с низким уровнем дохода для реализации всего спектра прав человека и достижения адекватного уровня жизни, и сопровождаться общим сокращением спроса на ненужные товары и услуги, особенно те, производство которых является наиболее ресурсо- и энергоемким⁸⁷.

52. Однако многие государства в этом смысле монетарным суверенитетом не обладают либо потому, что не эмитируют собственную валюту (как, например, государства — члены зоны АФС или еврозоны), либо потому, что они зависят от своего экспорта для оплаты импорта технологий или орудий труда или для обслуживания внешнего долга в ситуациях, когда такие выплаты осуществляются в иностранной валюте. Эти государства также должны искать способы финансирования услуг, которые они предоставляют населению, снижая при этом свою зависимость от роста ВВП⁸⁸.

53. Можно изучить несколько вариантов решения этой задачи. Больше усилий государств можно было бы нацеливать на применение превентивных подходов, ориентированных на обеспечение благосостояния: например, борьба с загрязнением воздуха, улучшение жилищных условий, питания или доступа к зеленым зонам и повышение физической активности могут способствовать снижению рисков для здоровья⁸⁹; а инвестиции в общественный транспорт позволят сократить количество автомобильных аварий. Выигрыш может быть достигнут и за счет инвестиций в повышение способности сообществ оказывать поддержку, например, чтобы больше пожилых людей могли оставаться дома⁹⁰. Инновации, появившиеся в ответ на пандемию COVID-19, такие как доставка еды и лекарств или обзвон изолированных жителей, были охарактеризованы как «именно тот вид превентивного и многоуровневого подхода к социальному обеспечению на основе развития человеческих взаимоотношений, который может подойти для общества, живущего в мире без роста»⁹¹. Ненужные и даже причиняющие вред государственные расходы можно сократить: субсидии на ископаемое топливо составили 6,8 % мирового ВВП (или 5,2 трлн долл. США) в 2020 году, причем 90 % этой суммы — это невидимые субсидии, являющиеся следствием неспособности обеспечить интернализацию внешних издержек от использования ископаемого топлива (в виде загрязнения воздуха, вклада в глобальное потепление, пробок на дорогах и дорожных аварий)⁹².

54. Хотя требуемые от государств общие усилия не являются какими-то невозможными, они, тем не менее, потребуют значительного дополнительного финансирования. Главное — финансировать инвестиции в «зеленый переход», а также в государственные услуги и социальную защиту без опоры на рост и в условиях макроэкономической среды, которая постепенно перестанет ориентироваться на увеличение стоимости общего объема производства. Чтобы решить это уравнение, государствам следует обратиться к другим источникам государственных доходов, помимо подоходного налога, взимаемого с работников, или социальных отчислений работников и работодателей⁹³. Существуют разные возможности. В своих

⁸⁷ Christopher Olk, Colleen Schneider and Jason Hickel, “How to pay for saving the world: modern monetary theory for a degrowth transition”, *Ecological Economics*, vol. 214 (December 2023).

⁸⁸ Milena Büchs and Max Koch, *Postgrowth and Wellbeing. Challenges to Sustainable Welfare* (Palgrave Macmillan, 2017).

⁸⁹ Olivier De Schutter and others, *The Escape from Poverty. Breaking the Vicious Cycles Perpetuating Disadvantage* (Bristol, Policy Press, 2023), pp. 18–43; и Комиссия по социальным детерминантам здоровья «Ликвидировать разрыв в течение жизни одного поколения: соблюдение принципа справедливости в здравоохранении путем воздействия на социальные детерминанты здоровья» (Женева, Всемирная организация здравоохранения, 2008 год).

⁹⁰ Stephen Quilley and Katharine Zywert, “Livelihood, market and State: what does a political economy predicated on the “individual-in-group-in-PLACE” actually look like?”, *Sustainability*, vol. 11, No. 15 (2019).

⁹¹ Corlet Walker, Druckman and Jackson, “Welfare systems without economic growth: a review of the challenges and next steps for the field”, p. 8.

⁹² Ian Parry, Simon Black and Nate Vernon, “Still not getting energy prices right: a global and country update of fossil fuel subsidies”, IMF Working Paper, No. 2021/236 (Washington, D.C., International Monetary Fund, 2021).

⁹³ Kallis, Kerschner and Martínez-Alier, “The economics of degrowth”.

предыдущих материалах Специальный докладчик выражал сожаление по поводу того, что наследство и дары, передаваемые одним поколением другому, налогом часто не облагаются или облагаются лишь по весьма низким ставкам, что не только лишает государства поступлений, но и позволяет увековечивать проблему тех, кто остается в менее выгодном положении⁹⁴. Он также высказывался в пользу введения налога на выбросы углекислого газа при условии, что реформа принесет пользу малообеспеченным домохозяйствам, предоставив им денежную компенсацию и доступ к экологически чистой энергии⁹⁵. Необходимо также активнее бороться с агрессивными стратегиями оптимизации налогообложения, которые способствуют фискальной конкуренции между государствами: трансграничные налоговые злоупотребления, допускаемые корпорациями, и вывод физическими лицами активов в юрисдикции с низкими налогами или налоговые убежища приводят к потерям государственных поступлений, соответственно, в размере 311 и 169 млрд долл. США⁹⁶. Можно также повысить налог на богатство для самых состоятельных людей: налог на богатство в размере 1,5–3 % для самых богатых людей в мире (65 000 центимиллионеров) будет приносить 300 млрд долл. США в год⁹⁷. Это приведет не только к увеличению государственных поступлений, но к снижению необходимости побуждать людей больше работать и больше потреблять, чтобы увеличить объем налогов, начисляемых государством; и это позволит устранить достигнутый абсурдно высокий уровень неравенства.

В. Виды глобальной взаимозависимости

55. Нынешняя модель роста является источником глубоко неравного обмена, при котором рост на глобальном Севере зависит от эксплуатации ресурсов на глобальном Юге, а создание богатства на глобальном Юге в значительной степени зависит от производства для рынков богатых стран с высокой стоимостью, в основном для погашения внешней задолженности, выраженной в твердой валюте⁹⁸. Таким образом, в то время как Север навязывает Югу социальные и экологические издержки, страны глобального Юга зависят от трансфертов и импорта с Севера. Ни одна стратегия, не заикленная на росте, не может игнорировать такие виды зависимости, унаследованные от колониальных моделей доминирования⁹⁹.

56. Преодоление этих видов зависимости требует справедливого распределения усилий. В то время как экономика богатых стран стала тучной, экономика стран с низким уровнем дохода все еще слишком тощая: ее следует поддерживать в ее усилиях по дальнейшему развитию. Поддержка со стороны международного сообщества усилий в этом направлении должна основываться на принципе общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, чтобы можно было учитывать как прошлый вклад стран в увеличение нагрузки на окружающую среду, так и их способность содействовать обращению этой тенденции вспять, измеряемую финансовыми ресурсами и технологиями¹⁰⁰. Развитые страны несут «особое бремя ответственности в плане сокращения и ликвидации неустойчивых

⁹⁴ A/76/177, п. 52.

⁹⁵ A/75/181, пп. 13–19.

⁹⁶ Tax Justice Network, *State of Tax Justice 2023* (2023).

⁹⁷ Lucas Chancel, Philipp Bothe and Tancrede Voituriez, “The potential of wealth taxation to address the triple climate inequality crisis”, *Nature Climate Change*, vol. 14, No. 1 (2024), pp. 5–7.

⁹⁸ Prapimphan Chiengkul, “The degrowth movement: alternative economic practices and relevance to developing countries”, *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 43, No. 2 (2018), pp. 81–95; and Jeffrey Althouse, Giulio Guarini and Jose Gabriel Porcile, “Ecological macroeconomics in the open economy: sustainability, unequal exchange and policy coordination in a center-periphery model”, *Ecological Economics*, vol. 172 (June 2020).

⁹⁹ Claudius Gräbner-Radkowsch and Birte Strunk, “Degrowth and the global South: the twin problem of global dependencies”, ICAE Working Paper Series, No. 142 (Johannes Kepler University Linz, Institute for Comprehensive Analysis of the Economy, 2023), p. 18.

¹⁰⁰ См. Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию, принцип 7; Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата, ст. 3); и Конвенцию о биологическом разнообразии, ст. 20 (п. 4).

структур производства и потребления и содействия созданию потенциала в развивающихся странах, например путем предоставления финансовой помощи и доступа к экотехнологии»¹⁰¹. Принцип общей, но дифференцированной ответственности также отражен в Повестке дня на период до 2030 года, в частности в задачах 10.a и 12.1 Целей в области устойчивого развития, а также в Аддис-Абебской программе действий третьей Международной конференции по финансированию развития¹⁰². Аналогичным образом, хотя Маастрихтские принципы прав человека будущих поколений предусматривают постепенный отказ от не соответствующих Целям устойчивого развития моделей потребления и производства в числе обязательств по осуществлению прав человека будущих поколений, они добавляют следующее: «Более богатые государства должны действовать более оперативно [в направлении достижения этой цели] в соответствии с принципом общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей»¹⁰³.

57. Однако даже в странах с низким уровнем дохода развитие не следует отождествлять с увеличением совокупной стоимости производства, показателем которой служит ВВП¹⁰⁴. Нарастание богатства должно приносить пользу местным сообществам как за счет предоставления им возможностей для достойной работы, так и за счет увеличения инвестиций в создание общественных благ, включая инфраструктуру для развития человеческого потенциала.

58. Структурная зависимость между Севером и Югом может потребовать отказа от моделей торговли Север–Юг и развития торговли Юг–Юг, а также местных и региональных рынков¹⁰⁵; расширения возможностей развивающихся стран, особенно стран с низким уровнем дохода, производить продукцию для удовлетворения собственных потребностей, в том числе путем передачи технологий и защиты зарождающихся отраслей¹⁰⁶; а также содействия реструктуризации и списанию долгов, чтобы бедные страны с крупной задолженностью не были вынуждены производить продукцию для глобальных рынков и могли вместо этого уделять приоритетное внимание потребностям местных сообществ.

V. Выводы и рекомендации

59. Переход на траекторию развития без роста, ориентированного на реализацию прав человека, а не на повышение совокупного уровня производства и потребления, должен быть прямо озвучен в Пакте во имя будущего, который будет принят на Саммите будущего в сентябре 2024 года. Однако этого нельзя добиться сразу; и этого нельзя добиться только на местном уровне или на уровне страны. Чтобы покончить с зависимостью от роста, потребуются многолетние стратегии и усилия на разных уровнях управления.

60. Общая цель должна состоять в перестройке экономики таким образом, чтобы производить больше социально полезных товаров и услуг, согласующихся с задачами устойчивого с экологической точки зрения развития, а также в значительном сокращении ненужного и расточительного производства. Ключевое значение имеют определение надлежащей последовательности и координация мер в рамках переходного процесса на различных уровнях управления.

61. Взяв настоящий доклад в качестве первого приближения к ответу на вопрос о том, почему необходим подход к искоренению нищеты без

¹⁰¹ Делийская декларация о принципах международного плана, касающихся устойчивого развития, п. 3.4.

¹⁰² См., в частности, п. 59.

¹⁰³ Ст. 20 с) ix).

¹⁰⁴ [A/HRC/54/27](#).

¹⁰⁵ Michael J. Bloomfield, “South-South trade and sustainable development: the case of Ceylon tea”, *Ecological Economics*, vol. 167 (January 2020).

¹⁰⁶ Ha-Joon Chang, *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective* (London, Anthem Press, 2002).

зацикленности на росте и как он может выглядеть, Специальный докладчик начнет раунд консультаций по подготовке «дорожной карты», чтобы предложить пути осуществления необходимых преобразований. От идеологии «ростизма» необходимо отказаться. Это явление представляет собой ненужное отвлечение внимания от настоящей необходимости отходить от неэффективных и расточительных экономических моделей, неспособных удовлетворить насущные потребности тех, кто живет в нищете.
